

ЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОБ ОТЦЕ СЕРАФИМЕ (РОУЗЕ)

Мария Мансур (США)

Многие из вас, несомненно, прочли тысячестраничную биографию Отца Серафима, которая была переведена как на русский, так и на грузинский языки. Я не намерена даже пытаться кратко изложить всю его жизнь. Я просто попробую дать несколько впечатлений из моего собственного опыта о том, каким он был человеком и духовным отцом. Эти впечатления будут неизбежно неполными, и я буду рада уточнить или дополнить их по мере необходимости во время сессии вопросов и ответов.

Для тех из вас, кто еще не знаком с отцом Серафимом, короткое введение будет уместным.

Отцу Серафиму не было дано расти в Православной среде. Он вырос в совершенно обыденной американской семье в Южной Калифорнии. Еще в молодости он стал разочарован в Протестантской вере своей матери и, обладая ярким умом, начал поиски Истины. Он был уверен, что должна существовать абсолютная Истина, и что эта Истина должна быть в Боге. После многих лет упорного и мучительного поиска — через науку, философию, буддизм, гедонизм — Бог открыл его сердце к Православной Вере, и в 1961 году, в Неделю о Блудном Сыне, он был принят в Православную Церковь.

Вскоре после этого он встретил будущего Отца Германа, и вместе они создали братство с целью исполнения двух величайших заповедей: любви к Богу — через монашескую молитвенную жизнь и аскетическую борьбу за очищение души, и любви к ближнему — через

миссионерское издание назидательных и вдохновляющих Православных текстов на английском языке. Чтобы сосредоточиться на этом без отвлекающих факторов, они приобрели уединенный участок земли в маленькой деревушке Платина в горах Северной Калифорнии, переехав туда из Сан-Франциско в 1968 году. Именно там я, вместе с моей лучшей подругой Соломонией, впервые их посетила в ноябре 1976 года. Уже после нескольких разговоров стало понятно: эти два монаха не стремились сохранять Православие как часть этнической русскости; они не оказались в отдаленных глухих местах Северной Калифорнии из-за какой-либо романтической идеи о лесном подвижничестве; их умы и сердца были полностью посвящены Христу, они стремились жить и распространять Евангелие в контексте Веры, сохранённой и переданной через века Единой, Святой, Вселенской и Апостольской Церковью, Православной Церковью.

На тот момент, по провидению Божию, в монастыре жили только два монаха и молодой чернокожий мальчик, Глеб, которому Отец Серафим преподавал дома. Отцы были завалены работой, и мы были в восторге, когда они пригласили нас вернуться на Великий пост, что мы и сделали следующим февралём.

Мне посчастливилось довольно близко знать Отца Серафима в последние шесть лет его жизни, когда я жила в Платине или поблизости. Мои первые впечатления о нём не изменились. Прежде всего, он был настоящим монахом — спокойным, серьезным, сдержанным, очень сосредоточенным, полностью посвященным жизни и работе монастыря: церковным службам и миссионерской деятельности печатного слова — через статьи в журнале, который они

издавали, "Православное Слово", а также различные книги. В то же время он был очень доступным, с ним было легко общаться — независимо от уровня вашей духовной жизни; внимательный слушатель, очень прямолинейный, ясно мыслящий человек, обладающий необычайной глубиной и широтой интеллекта. Несмотря на свою эрудированность, он мог разговаривать с любым на любом этапе духовной жизни — он особенно хорошо общался с подростками и молодыми людьми. Хотя у Отца Серафима была анемия, что ограничивало его выносливость, он производил впечатление энергичного человека, всегда ступал широкими шагами; делал перерывы от интеллектуальной работы для рубки дров, работы в саду или стояния у одной из двух старых печатных машин. Но больше всего людей поражало — тех, кто его встречал — его духовная мощь и в то же время чувство внутреннего мира; он всегда казался умиротворённым, и вместе со своей серьёзностью он излучал тихое тепло. Было просто замечательно находиться рядом с ним.

Условия в монастыре, который можно было бы назвать скитом или отшельнической общиной, были довольно суровыми: там не было водопровода; зимой снег складывали в кастрюли на дровяной печке в трапезной, чтобы растопить, а весной в коровьей поилке, которую мы приспособили под цистерну - собиралась дождевая вода; летом почти не было дождей, лесные пожары были реальной угрозой, а в праздник Пророка Ильи в начале августа мы все молились о дожде — и он часто отвечал на наши молитвы. Летом после нашего приезда благодаря деньгам из Благотворительного фонда святого Иоанна Сан-Францисского была пробурена скважина. Теперь воду можно было набирать ручным насосом, и ее больше не нужно было таскать из

магазина в Платине. Однако, это было все, что касалось «водопровода», и на протяжении следующих нескольких лет использовалась цистерна и растопка снега. Генератор обеспечивал электричеством типографию, в остальном использовались только керосиновые лампы или, чаще всего, свечи, большинство из которых были остатками свеч, отправленными в коробках от гробницы святого Иоанна в Сан-Франциско. Каждый вечер после вечернего молитвенного правила Отец Серафим стоял у двери и спрашивал, достаточно ли у нас дров, достаточно ли свеч. Он делал это настолько кротко, что легко было не заметить такую нежную и систематическую заботу, но это было типичным для его характера.

Зимы были холодными, в зданиях не было теплоизоляции, и мы все спали в вязаных шапках. Тепло шло от примитивных дровяных печей, хотя, когда мы только приехали, в церкви печи не было, и руки Отца Серафима становились синими. Мы пытались предоставить все, что могло бы их согреть — небольшую портативную печь для алтаря, грелки для рук — но ничего особо не помогало. Но он никогда не жаловался.

Отец Серафим ценил уединение Платины; до ближайшего крупного города ехать надо было час, а до Сан-Франциско — четыре часа; посетителей было сравнительно мало. Однажды зимой нас завалило снегом на две недели. Отец Серафим был в восторге. Как монах, он предпочитал минимальный контакт с "миром". В те редкие случаи, когда Отец Серафим обязан был поехать в город, он часто просил меня его подвезти, возможно, потому что я мало говорила во время этих поездок. Хотя он сам умел водить, думаю, ему было

приятно иметь время для молитвы, для размышлений. Он был закрытым человеком, очень сдержанным, никогда не говорил о себе... У меня сложилось впечатление — или мне так казалось — что он родился монахом. Теперь я сожалею, что не воспользовалась этим временем, чтобы задать вопросы, но тогда мне это казалось не нужным. Как я уже сказала, было достаточно просто быть рядом с ним.

Даже до того, как монахи были рукоположены в священники, они неизменно соблюдали суточный круг богослужений. Из-за загруженности они оба не могли присутствовать в церкви весь цикл, но во время служб, пока один работал, другой находился в церкви. В поздний вечер, когда служилась Утренняя, звонили в колокол при пении "Величит душа моя Господа", и мы все бросали, что делали, и шли в церковь для этого песнопения.

Если Отец Серафим не служил, он стоял на правом клиросе, а мы — на левом. Мы быстро научились большинству гласов на слух и могли петь по текстам, используя ноты только для «Херувимской...» и «Евхаристического канона». В то время Постная Триодь еще не была доступна на английском, и Отец Серафим, стоя на правом клиросе с текстом на славянском перед собой, одновременно интонировал каждую фразу на английском как канонарх, и мы затем пели эту фразу с левого клироса. Отец Серафим любил службы; даже правила богослужения в требнике его интересовали. И он служил очень естественно, без малейшей искусственности или драматизма. Его проповеди всегда были ёмкими и имели практическое применение.

Отец Серафим имел природный приятный певческий голос, мягкий тенор. Особенно запоминающимися были службы в начале Страстной Седмицы. Царские врата открывались, обнажая пылающий свет. Отец Серафим стоял в середине темного храма и пел Эксапостиларий: "Вижу, мой Спаситель, Твой украшенный чертог, и нет у меня достойной одежды, чтобы войти туда..." Его пение было очень молитвенным, сокрушенным, и слушая это, невозможно было не перенестись к Адаму, плачущему у Райских Врат. Одним из его любимых гимнов был "Благообразный Иосиф". Когда он умирал в больнице, несколько из нас стояли у его постели одной ночью и пели "Благообразный Иосиф", и, хотя он не давал признаков сознания, слезы стали стекать по его щекам. Я некоторое время жила одна в уединённой избе в лесу, которую мы с Соломонией построили по просьбе Отцов на западной границе их земли, вдали от монастырской ограды. Отец Серафим иногда приходил с корзиной провизии, нежно поющий, как только приближался. Он любил простой русский Знаменный распев; он считал, что он лучше подходит к западному уху, чем строгий Византийский распев, и способен проникнуть в сердце.

Одной из любимых частей года Отца Серафима была первая неделя Великого поста: разговоры сводились к минимуму, ковры убирали из храма, трапеза была исключительно простая: в первые дни Отец Серафим всегда назначал себя на кухню; питание состояло из сушеных фруктов, орехов и, возможно, легкого супа.

В течение года, на трапезе, Отец Герман, сидевший во главе стола, пока Отец Серафим ел, обычно рассказывал житие одного из аскетов 19-го века [подвижники благочестия] — у него была

феноменальная память. Затем Отец Серафим переводил какой-нибудь русский текст перед собой прямо на батареечный диктофон. Когда мы были там, он переводил "Православное Догматическое Богословие" Отца Михаила Помазанского. Он ценил Отца Михаила особенно за его тон: указывая на различия с Католицизмом или Протестантизмом, он никогда не унижал или не нападал на таковые, а просто излагал Православное учение. Именно этот тон Отец Серафим также использовал в своих сочинениях. Он был очень критичен к тем представителям духовенства, которые участвовали в жёстких полемиках, но даже когда он с ними категорически не соглашался, его тон был твёрдым, но никогда не обвинительным или скандальным.

Он не стремился быть оригинальным, но передавал традиционные православные учения, которые он усвоил из своего чтения Святых Отцов и из контакта с Архиепископом Иоанном, Епископом Нектарием и его братом Иваном Концевичем и другими, глубоко укorenившимися в Православии. Даже в своих монашеских устремлениях всё, чего хотел Отец Серафим, это следовать традициям монашествующих Отцов, которые предшествовали ему. У него была особая привязанность к старцам 19-го века из Оптинского монастыря, поэтому он и назвал свою келью «Оптина». Это было, я думаю, частично потому, что, держа в уме возвышенный пример этих старцев прошлого и других, которые, по его мнению, были такими духовно превосходными, он смог развить редкую смиренность, очень трудно достижимую для такого интеллектуально одарённого человека.

Текущие времена, по мнению Отца Серафима, не были временами старцев. (Он однажды сказал мне: «Никогда не

доверяйтесь полностью одному человеку.») По его мнению, мы не заслуживаем старцев из-за нашей духовной незрелости; наши старцы находятся между книжных строк. Он настоятельно побуждал нас создавать духовную библиотеку из авторитетных Православных текстов. Туда входили такие книги как: «Невидимая брань», «Беседы Аввы Дорофея», «Арена»? (возможно «Отечник») Святого Игнатия Брянчанинова, «Письма старца Макария Оптинского» и все произведения Святого Феофана Затворника. Погружая себя в эти книги, наши души, легче проникались истинным духом Православия, "ароматом", как говорил Отец Серафим, и могли легче узнать — и избежать — дух этого мира. Он не советовал читать более сложные тексты, такие как «Добротолубие» или учения святого Исаака Сирина (тогда только что переведенные), так как видел, что новообращенные склонны обращаться к этим текстам, не будучи духовно зрелыми для их правильного применения. Для Отца Серафима важнее были не столько знания, сколько практика. Смысл чтения книг заключался в том, чтобы применить их уроки в повседневной жизни. И в «эту эпоху слабой веры», как он её называл, если мы хотя бы постараемся быть искренними, добрыми, теплосердечными христианами, это уже будет подвиг.

Обладая блестящим умом и будучи прирождённым академиком, Отец Серафим прилагал большие усилия, чтобы не полагаться только лишь на свой ум, а развивать духовное сердце. Он советовал читать хорошую литературу, способную согреть сердце и вдохновить на христианские чувства. Ему особенно нравился Чарльз Диккенс. Как-то в монастыре появился молодой человек, который остался на

несколько недель, и вместе они читали вслух «Дэвида Копперфильда». Оба плакали.

Еще одним препятствием на пути к Православной жизни был американский стиль жизни, предполагающий комфорт: «Не напрягайся». Южная Калифорния, где вырос Отец Серафим, была под влиянием индустрии развлечений. Он часто использовал термин «менталитет Диснейлэнда» в уничижительном смысле. В общем, отцу Серафиму не нравилось любое легкомыслие и праздность. Он призывал к тому, чтобы семьи с телевизорами выбросили их или хотя бы сильно ограничивали их просмотр, так как это был еще один способ «заразиться мирским духом». Страшно подумать, что бы он сказал в эпоху зависимости от мобильных телефонов.

Отец Серафим понимал ценность страдания в духовной жизни и считал, что семьи, сталкивающиеся с проблемами, духовно находятся в более благоприятном положении, чем те, у кого жизнь проходит гладко. Такие семьи, имея хронически больных детей или финансовые трудности, склонны к серьезному отношению к жизни и более чаще осознают свою потребность в Боге и более открыты к духовной жизни.

Отцы из Платины не стремились к созданию комфортных условий. Жизнь там была возможной, но часто физически сложной и требовательной. Вечно что-то ломалось: генератор, печатные станки, машинки для набора текста... Транспортные средства были ненадежными; проколы шин не были редкостью, а зимой для движения вверх по холму в две мили - часто требовались цепи для

колес. Весенние и осенние дожди превращали двухмильную грунтовую дорогу в скользкий участок из красного глиняного месива, усложнённого глубокими колеями и оврагами. Помню, как не раз сидела за рулем, поднимаясь вверх с Отцом Серафимом, с горячей молитвой и многократным пением величания Божией Матери, к которой у него было особо глубокое почтение. (И пели мы это всё по-славянски).

Отец Серафим никогда не расстраивался из-за каких-либо механических сбоев или внешних проблем; это были лишь неприятности, которые нужно было решить. Он всегда видел эти трудности в духовном ключе; когда что-то шло не так, он приписывал это действиям «лукавого», пытающегося их обескуражить. Когда такие трудности возникали во время печати очередного выпуска "Православного Слова", первой мыслью Отца Серафима было предположение, что это должен быть особенно важный выпуск, поскольку враг делает всё возможное, чтобы их остановить. С терпением такие проблемы можно было преодолеть. Отец Серафим предпочитал подобные испытания - сложностям в личных отношениях, к которым, к сожалению, мы женщины, были более склонны.

Вспоминая все это, я начала понимать, что помимо трудностей, создаваемых этими внешними проблемами, у отца Серафима были и его собственные личные страдания. Я часто упоминала отца Серафима и отца Германа как "Отцов из Платины". За все время, которое мы провели с ними, и Соломония, и я пришли ко мнению, что они отлично сработались вместе, что, несмотря на такие разные характеры, они действительно были близки как душевно, так и сердечно. Только

спустя годы я начала понимать — или, по крайней мере, таково моё мнение, — что отец Серафим смог сохранять своё смиренное поведение только через болезненную борьбу, распиная самого себя. Это было настоящим страданием, порождающим святых. Это стало все более очевидным за последние несколько лет жизни отца Серафима. У двух монахов были очень разные личности. Говоря то, что я собираюсь сказать, я ни в коем случае не хочу умалять достоинства отца Германа, он также был во многом одарённым: он был исключительно тёплым, энергичным и способным вдохновлять — и вдохновлял — сотни людей. Но он сам признался мне вскоре после кончины отца Серафима, что отец Серафим был деревом, а он лишь ветром. И какая польза от ветра без дерева? Отец Герман был русским, с художественным прошлым. Он был очень общителен и любил пошутить с людьми. Он легко привлекал внимание — и восхищение — молодёжи, в то время как отец Серафим оставался на заднем плане. Большинство посетителей и паломников, приходивших в монастырь, приходили в основном, чтобы увидеть отца Германа. Это устраивало отца Серафима, и он с радостью тратил время на тех, у кого были серьезные вопросы. И серьезно настроенные американцы чувствовали себя с ним более комфортно благодаря его прямолинейному подходу.

Со временем отец Герман становился всё более неугомонным, не упуская возможности съездить в город. Чем больше внимания он получал, тем больше его тянуло к этому. После кончины отца Серафима эта слабость в характере отца Германа оказалась почти фатальной, когда он попал в ловушку, став «гуру». Его шуточный характер не соответствовал желанию отца Серафима иметь серьезное

монашеское братство, и неудивительно, что на смертном одре он сказал отцу Герману, что если останется в живых, то покинет его. Хотя отцы должны были быть взаимно послушны друг другу, на практике отец Серафим почти всегда уступал отцу Герману. Я думаю, что он делал это намеренно, чтобы усмирить себя. Он был явно более одаренным, и постоянно занимать место ниже - требовало от него огромного самоконтроля.

Не знаю, стало ли это для него проще с течением времени. Могу только предположить, что он мог делать это только потому, что держал своё внимание сосредоточенным на "единственно необходимом", у него было горячее желание быть со Христом и Его Святыми. Ему также было глубоко приятно то, что он делал; он любил монашескую жизнь там, в глуши, и не хотел никуда уходить. Будучи молодым человеком, он часто чувствовал, что находится в "живом аду". В отличие от этого, когда незадолго до его кончины кто-то из его духовных чад спросил его, как он себя чувствует, он просто ответил: "Я в Раю".

Это был плод его Христианского максимализма, его убеждения, что нужно быть целиком Христианином — или вовсе не быть. И если кто-то был вдохновлен или каким-либо образом поддержан отцом Серафимом, он может выразить свою благодарность ему, стремясь, насколько это возможно, подражать ему, становясь христианским максималистом. В заключение давайте же сохраним в уме слова Святого Германа, слова, которые появлялись на титульной странице каждого выпуска "Православного Слова", с самого его создания: "С

этого дня, с этого часа, с этой минуты, устремимся же любить Бога превыше всего и воплощать Его Святую Волю”.